

— Ваши истории приходят к вам случайно?

— Очевидно, да. Все в жизни происходит случайно. У меня нет плана разработки сценария. Ключевой момент — размещение в нем героев. Все складывается именно тогда, потому что каждый персонаж несет в себе свою судьбу. Если взглянуть в любого героя, станет ясно, что именно с ним может и должно случиться. Самое интересное при сочинении сценариев — рассказывать истории, которые приносят с собой действующие лица. Когда на бумаге возникла Мари, мне стало ясно, что она обязательно влюбится в бродягу. Она просто рождена для этого.

— В «Моем мужчине» эмоции одного персонажа перетекают в другого. Похоже, логика для вас второстепенна по отношению к идеям.

Бертран БЛИЕ:

“Мы парализованы реализмом!”

— В этом нет фальши. Я называю это музыкальной композицией фильма. Это не имеет никакого отношения к психологии, это чистая музыкальность. Мне трудно об этом говорить. Но я верю, что кино — это прежде всего музыка. Когда слушаешь классику, убеждаешься, что Бетховен и другие композиторы очень волюно обращались с традиционным наследием, переходили в концерте от одной темы к другой, от одного стиля к другому. В кино этим почти не занимаются. Мы парализованы реализмом. А мне интересно все сдвиги, разрывы, именно они становятся двигающими силами сюжета. По правде говоря, мне вообще плевать на психологию. Я работаю с эмоциями, как с музыкальными инструментами. С недавних пор я смею об этом рассуждать, но вообще-то я всегда интуитивно это делал. И думаю, что это мне помогало, придавая моим историям утонченность и необычность. Впрочем, мой новый фильм — отдельная история.

— Немногие режиссеры строят свое кино таким образом.

— Да, немногие. Немногие снимают кино, которое держится средствами кино, а не как иллюстрация книжек.

— Несколько странно слышать такое высказывание из уст режиссера-писателя. Что для вас важнее — литературный процесс или постановочный?

— Я работаю над всеми проектами более-менее одинаково. Сначала пишу фильм как книгу, 200-300 страниц. Потом делаю из этого сценарий-адаптацию. Всегда получается не то, что задумывалось вначале. Для меня главная опасность — начать сочинять что-нибудь простенькое; в конце концов получается нечто ужасно сложное!

— Во французском кино «фильм про шлюху» — почти отдельный жанр.

— Да, забавно. Хотелось взять этот жанр и найти в нем что-то новое. Уверяю вас, такой шлюхи, как Мари, вы еще не видели. Нужно сказать, что для актрис роли проститутки — одни из самых благодарных. Вспомните Арлетти. Очень типично для нашего кино. Я считаю, что именно женщины определяют стиль национального кинематографа. Посмотрите на американок. Прекрасные актрисы, но они же все дылды здоровенные, и играют то пираток, то наемных убийц — одним словом, воительниц. А у нас актрисы невысокие, миленькие, Жюльетт Бинош, Сандрин Боннер, и они гораздо более таинственны и волнующи, чем Шарон Стоун.

— Ануэ Гренбер разделяет с вами не только кинопроекты, но и личную жизнь. Это очень смелая роль для женщины.

— Вне всякого сомнения. Мне ужасно повезло, что моя жена актриса. Я могу прикидывать на нее будущие роли. У нас много общего, я ее

очень люблю, но в процессе съемок между нами устанавливаются очень отчужденные отношения. Мы работаем.

— Вы не читаете ей сцены, которые только что написали?

— Нет-нет! Сначала я пишу все для себя, а когда заканчиваю, начинаю выкручиваться. Помню, когда я сочинил «Холодные закуски», продюсеры сказали, что Блие психически болен и его нужно срочно отправить отдыхать в деревню. Когда я пишу, то слепо верю в слово, в фразу. Здесь я могу пойти до конца, потому что ни с кем не обязан разделять ответственность за происходящее на бумаге. Но когда я пишу для Ануэ, мне действительно легче оживать героиню, чем для другой актрисы. Отношения автора с персонажами не менее интимны, нежели отношения мужа с женой.

— В любви шлюхи Мари и клошара Жанно отчетливо проступает религиозный элемент.

— Сам я неверующий, но верю в религиозные чувства других людей. Например, я верю в молитву. Молит-

клиента. Обожаю студийные съемки, все остальное мне малоинтересно. Не люблю снимать натуру, потому что декорации тоже становятся персонажами фильма, его психологией, его стилем.

— В вашем кинематографе много слов. Не боитесь излишней театрализации действия?

— Я очень четко это осознаю. Производить слова очень просто. Какое-то время это забавляет. Кульминацией был фильм «Вечернее платье», там действительно искрометные диалоги, я их обожаю. Но после этого фильма я сам себе сказал, что пора остановиться, потому что я выжал в этом направлении все, что было можно. Поэтому в «Слишком красивой для тебя» диалоги очень плоские. Меня это ужасно стесняло. Сложный по форме фильм, который всех привел в восторг — а диалоги такие, словно сценаристу заткнули рот и связали руки. Но зато изображение выходит на первый план. И сейчас меня больше интересует мизансцена, нежели диалог, хотя, конечно, не могу отказать себе в удовольствии вре-

удается добиться исключительных результатов, но при этом он толком не знает, что же такое кино. Его монтаж — непонятно как спеленные куски. И при этом у него беззастенчивый взгляд на вещи. Например, «Лулу». Думаю, этот фильм очень дорог его сердцу. Но мне кажется, что в нашем возрасте нельзя снимать фильмы, которые принимают слишком близко к сердцу. Отсутствие дистанции — опасная штука. Нужно быть с героями понахальнее, это идет на пользу и тебе, и им.

— Актеры всегда с нетерпением ждут фильма Блие.

— Актеры — мои лучшие зрители. Они хорошо чувствуют, что я написал им вкусные сцены, даже если у них короткие роли, они это кушают с удовольствием. Актеры — мое самое большое счастье. Впрочем, бывают и такие, которые отказываются у меня сниматься. Сначала говорят, что мечтают сыграть в моем фильме, а потом я приношу им мой очередной проект, и оказывается, что они заняты до конца тысячелетия. Хотя в целом актеры-мужчины

Более двадцати лет Бертран Блие сохраняет статус ведущего режиссера французского кино. На его счету — «Вальсирующие» (1974), «Кальмос» (1976), «Приготовьте носовые платки» (1978, «Оскар» за лучший иностранный фильм), «Холодные закуски» (1979, «Сезар» за сценарий), «Отчим» (1981), «Жена моего друга» (1983), «Наша история» (1984, «Сезар» за сценарий и Алену Делону за лучшую роль), «Вечернее платье» (1986), «Слишком красивая для тебя» (1989), «Спасибо, жизнь» (1991). За «Слишком красивую...» Блие получил целых три премии «Сезар» — за фильм, сценарий и постановку. Плюс еще три «Сезара» получили другие участники проекта: Жерар Депардьё и Кароль Буке, играющие главные роли, и Клодина Мерлен за монтаж.

Неудача фильма «Раз, два, три, солнце» (1993) возмещалась для Блие большим успехом новой ленты «Мой мужчина» (Mon homme), которая вышла на парижские экраны в феврале 1996 года. История шлюхи Мари (Ануэ Гренбер, приз за лучшую женскую роль на Берлинском кинофестивале) и бродяги Жанно (Жерар Ланвен) стала призмой, сквозь которую преломляется жизнь современной Франции и французского кино с его экономическими и эстетическими проблемами.

«ЭС» перепечатывает интервью с Берtrandом Блие из парижского журнала Premiere.

ва не обязательно замыкается на Боге или церкви. Кафка говорил, что писательство есть состояние молитвы. Я очень люблю в моем фильме момент, когда Мари после покупки булочек становится на колени и говорит: «Спасибо за подарок». Это молитва любви. В этом фильме мне пришлось пойти очень далеко, хотя история проститутки и бродяги не может не быть религиозной.

— Вы любите снимать в студии и ваша камера почти не выходит в последнее время на улицы.

— Уверен, что создание декораций — один из самых увлекательных и важных моментов в сотворении фильма. Квартира Мари в «Моем мужчине» просто восхитительна. Наверное, кому-то это покажется извращением, но я не только специально подбирал мебель, обои и безделушки, но и размещал комнаты, кухню, туалет. Слово строил дом для

меня от времени вывалить на экран какую-нибудь гадкую реплику!

— Вас сильно огорчила неудача «Раз, два, три, солнце»?

— Да, я сильно переживал. Сейчас, по здравом размышлении, пришел к выводу, что дело в концепции. Сегодня люди хотят заранее знать, что им покажут на экране. Когда читаешь название «Раз, два, три, солнце», возникает ощущение легкости, побега к иной жизни. А фильм — про бедняков и их проблемы. Нельзя сказать, чтобы этот фильм особенно сильно ругали, его просто отказались смотреть. Вот как недавно отказались смотреть новый фильм Пиала.

— Кстати, о Пиала. Вас часто противопоставляют.

— Он никогда не умел снимать свое кино, но это не главное. В нем есть гениальное умение вовлечь зрителя в рассказываемую историю, хотя она снята черт-те как. Иногда ему

всегда на моей стороне. С женщинами сложнее.

— На вас не давит звание «автор»?

— Постановка фильма — рискованное мероприятие, в котором большую роль играют случайности. Творчество здесь имеет гораздо меньшее значение, чем в других видах искусства.

— Как насчет вдохновения?

— Человек не может постоянно испытывать вдохновение. Но писателю или художнику проще: если вдохновение их покинуло, можно отправиться на рыбалку. В кино подобное невозможно, съемки никто не отложит. Иногда мне кажется, что интересно было бы снять фильм, о котором я бы ничего не знал. Сценарист написал, продюсер подобрал актеров, художник построил декорации, костюмер принес одежду. А потом в павильон захожу я и говорю — снимаем сцену номер такой-то! По месту! Но проблема в том, что у меня слишком много историй, и это порой сбивает меня с толку: почему я поставлю эту, а не ту? Конечно, мне повезло в том, что я легко придумываю и сочиняю, но зато ужасно сложно выбрать свой следующий проект. С каждым разом мне становится все труднее и труднее придумать причину, по которой фильм нельзя не снять. Наверное, сейчас я мог бы сделать перерыв и года четыре ничего не снимать.

— После неудачи нельзя не вернуться, после успеха можно и расслабиться.

— Но в нашем ремесле столько воспитательных моментов! Конечно, я снял немало фильмов, есть же режиссеры, которые снимают по фильму в десять лет. Сейчас во мне зреет желание поработать в театре, у меня много проектов, но нужно ждать, пока все встанет на свои места, а когда это случится, никто не знает.

— Какой ваш фильм вы считаете лучшим?

— У меня нет лучшего фильма. Все они кажутся мне более-менее симпатичными и по большому счету неудачными. Фильм, к которому я испытываю сильную привязанность — «Спасибо, жизнь»: мне кажется, именно в нем я наиболее полно реализовал себя как постановщик. Мне самому тогда стало страшно. Наверное, это мое лучшее воспоминание из мира кино, хотя не самый лучший мой фильм. Не знаю. Что касается «Холодных закусок», самым волшебным процессом было сочинение сценария, я его сотворил за полмесяца. Больше у меня никогда так не случилось. Обычно я пишу сценарий шесть-восемь месяцев. А с «Холодными закусками» все шло само по себе, как будто я вспоминал прочитанное, и во всем имела особая внутренняя логика. Фантастическое было ощущение!

ПАРИЖ.

● Бертран Блие (слева) ставит сцену с участием Ануэ Гренбер и Жерара Ланвена.